

— Чжоу-лан, давай заведем ребенка.

Пэй Юньчу по-прежнему сидел в западном дворике, на том же самом месте, где его застал Сюй Мучжоу, когда вернулся — ни на шаг не сдвинулся. Перед ним на каменном столе лежала стопка тетрадей, исписанных его рукой. Закончив с делами, он аккуратно отложил их в сторону и теперь был занят починкой одежды.

Сюй Мучжоу узнал эти вещи: Пэй Юньчу донашивал старые наряды, которые от частых стирок стали совсем блеклыми, но берег их как зеницу ока. Пэй Юньчу привык к своим вещам и с трудом расставался с ними, особенно с тем, что прилегал к телу — в обновках он чувствовал себя не в своей тарелке. Раньше, когда семья Сюй едва сводила концы с концами, Сюй Мучжоу тоже носил одежду, которую латал Пэй Юньчу. Позже, когда дела пошли в гору и появилась возможность покупать сколько угодно новых нарядов, Сюй Мучжоу быстро привык к роскоши и мог носить что угодно. Пэй Юньчу знал, что Сюй Мучжоу человек решительный и не привязывается к вещам, поэтому никогда не просил его хранить старое — если тот хотел выбросить, он выбрасывал. Впрочем, хотя сам Пэй Юньчу предпочитал старую одежду, он всегда с радостью смотрел, как Сюй Мучжоу облачается в красивые новые наряды.

— Только вернулся, а вместо того чтобы заняться делом, сразу бежишь гулять? — Пэй Юньчу не поднимал головы, даже не взглянув на мальчишку, который давно перерос его.

Он был полностью поглощен шитьем. Сюй Мучжоу, до смерти перепуганный, поспешил задобрить его, принявшись разминать плечи и спину Пэй Юньчу:

— Я же вернулся, сделав все дела. Просто захотелось немного развлечься, спуститься с горы...

Пэй Юньчу покосился на него. Сюй Мучжоу больше всего боялся этого взгляда:

— Это была моя идея, не вини Чжуан Бая. Умоляю...

Сюй Мучжоу, словно ласковый зверек, потерся о плечо Пэй Юньчу, выпрашивая прощение:

— Я знаю, что у дяди Пэя самое доброе сердце... Побалуй меня хоть немного.

Ребенок, которого он вырастил, лучше всех знал, как угодить ему. Пэй Юньчу по-прежнему не смотрел на лицо Сюй Мучжоу, лишь ровным голосом произнес:

— Идите.

А затем добавил:

— Но только если А-Юань пойдет с вами.

Сюй Мучжоу, разумеется, тут же согласился, еще немного поизображал послушного мальчика, подал горячий чай, окружил заботой и ушел только к ужину. Однако Пэй Юньчу прекрасно понимал, что Сюй Мучжоу не питает интереса к подобным шумным гуляньям, вроде фестиваля фонарей — скорее всего, он предпочел бы остаться в комнате и просмотреть бухгалтерские книги. Очевидно, его кто-то пригласил.

Пэй Юньчу потер ноющие глаза. На самом деле, не только Чжуан Бай ночами напролет трудился ради дел Сюй Мучжоу, не смыкая глаз.

Вечером, когда солнце село, унеся с собой последние отблески заката, в ночи остались лишь мерцающие звезды да тусклый свет свечей в домах сельских жителей. Сюй Мучжоу и Чжуан Бай переоделись: сбросив привычные изысканные шелка, они облачились в простые льняные одежды, Сюй Мучжоу даже снял с головы венец — оба выглядели как обычные простолюдины. Но даже в таком виде их природная красота ничуть не померкла. Драгоценная жемчужина не теряет своего блеска лишь оттого, что ее переложили из роскошной шкатулки в придорожную траву.

А-Юань посмотрела на них, потом на себя и тихо проворчала, глядя в зеркало:

— Небеса и правда несправедливы!

Дорога вниз с горы была разбитой, сплошь в колдобинах и зарослях, и лишь благодаря фонарю, который несла А-Юань, им удавалось не оступиться. Впрочем, по пути Сюй Мучжоу заметил, что Чжуан Бай на удивление хорошо видит в темноте.

Добравшись до ярмарки, Чжуан Бай первым делом потащил Сюй Мучжоу в самую гущу толпы. Бумажные фонарики, сделанные местными жителями, может, и не отличались изяществом, но как память о прогулке стоили того, чтобы их купить. Сначала Сюй Мучжоу отнекивался, считая это ребячеством, и не хотел нести в руках яркую безделушку, но, не выдержав уговоров Чжуан Бая, сдался.

Чжуан Бай долго выбирал и в конце концов всучил Сюй Мучжоу фонарик в виде кролика, а себе взял в виде золотой рыбки. Белый и золотой — два фонаря смотрелись на удивление гармонично.

На ярмарке было полно угощений. Чжуан Бай набрал жареных каштанов и засахаренных ягод на палочке — сам он не любил сладкое, все это было для Сюй Мучжоу. Тот всегда держался с невозмутимым видом, будто гора рушилась прямо перед ним, но при этом проявлял странную привередливость в мелочах. Например, он обожал сладкое, но упорно считал, что не должен показывать это на людях.

Чжуан Бай был очень внимателен: он просто покупал лакомства и протягивал их Сюй Мучжоу, не говоря ни слова. Одной рукой много не удержишь, поэтому Сюй Мучжоу, держа фонарик, принимал из рук Чжуан Бая каштаны и ел их, пока тот не заканчивал с ягодами. Отказать в такой заботе было невозможно, и Сюй Мучжоу, решив смириться с неизбежным, с

сосредоточенным видом принялся жевать ягоды. Он старался есть аккуратно, чтобы не испачкать губы сахарной глазурью.

Чжуан Бай шел рядом, сияя от радости; казалось, смотреть на то, как ест Сюй Мучжоу, для него слаще любого лакомства. Сюй Мучжоу спросил, не хочет ли Чжуан Бай чего-нибудь перекусить, но тот, немного подумав, покачал головой, ответив, что ест все подряд и особых предпочтений у него нет.

— Ты и правда неприхотлив, — усмехнулся Сюй Мучжоу.

Чжуан Баю, похоже, очень понравилась эта шутка, и он ответил:

— Вот и отлично, тогда возьми меня на содержание!

Они шли бок о бок, перебрасываясь фразами и не обращая внимания на окружающих. И только А-Юань, плетущаяся позади с мешочком карманных денег, выданных молодым господином перед выходом, чувствовала себя не в своей тарелке: покупать что-то — не знала что, а не покупать — так и идти следом, оставаясь совершенно незамеченной.

<http://bllate.org/book/18908/1848937>